

Фигуры философа и интеллектуала - пересечения и расхождения

Научный руководитель – Руднев Вадим Петрович

Щербачев Дмитрий Кириллович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философской антропологии, Москва, Россия

E-mail: dimitriy.shcherbachev@gmail.com

В последнее время тема различия фигур философа и интеллектуала стала фактом нашей языковой практики. Но что является критерием этого различия? Возможно ли выделение «внешних» (потенциально доступных всем участникам коммуникации) факторов разведения? В чем функции этого различения, что и кому оно дает?

Разведение философа и интеллектуала проходит в той же привычной плоскости, что и различие писателя и пишущего, зафиксированным Бартом в одноименной статье [1], различие между философом и писателем в бартовском смысле слова - стилистическое. Писатель как обрабатывающий свое слово, в слове «теряющий свою собственную структуру и структуру мира». Пишущий, «завладевший публичным языком», занимается «деятельностью», «для них слово несет в себе дело, но само таковым не является». Таким образом, перед нами две разные стратегии взаимоотношения с другими. Пишущий - субъект, говорящий о том, что думает, другим субъектам («Каждый имеет право на свое мнение»), он видит ценность в акте говорения чего-то кому-то, в самой позиции говорящего. Для писателя, напротив, позиция говорящего - вынуждена, он испытывает кризис субъектности: его проблема - проблема интеграции фрагментов диссоциированного Я, он ищет тот остаток, что в нем не принадлежит другим, иначе говоря, он озабочен отношениями с интроецированными другими. Пишущему дорога позиция говорящего, производителя текста, поэтому он вынужден следовать конвенции дискурса, находиться в системе его аксиологических координат. Писатель же в экстазе процесса ищет свой голос, ставя вопрос о дистанции, он отбрасывает то, что обычно принимается без вопросов - образ истины у него преломляется и видоизменяется. Барт фиксирует это: «отождествляя себя со словом, писатель утрачивает всякие права на истину, ибо язык - если только он не сугубо транзитивен - это структура, цель которой (по крайней мере со времен греческой софистики) - нейтрализовать различие между истиной и ложью» [1]. Говоря лакановским языком, единственная истина для писателя - истина его Желания.

При всем этом Барт замечает, что есть и третий тип: «писатель-пишущий», «включающийся в общество именно в силу своей отверженности» [1]. Писатель-пишущий Барта - симулякр писателя, имитирующий «неким не санкционированный праксис» [1]. Нам важно то, что раз этот праксис можно имитировать, значит, каких-то жестких отличительных черт у него нет. Возвращаясь к философу и интеллектуалу, мы видим, что «внешних» критериев, достаточно устойчивых, чтобы к ним всегда можно было отослать, не обнаруживается. Из «Философских исследований» мы помним, что любое действие постфактум можно сопоставить с каким-либо правилом: таким образом, мотив всегда можно приписать из вне [2], [3]. А различие философа и интеллектуала - различие мотивов. Следовательно, «внешних» критериев разграничения нет, философа всегда можно обозвать «всего лишь» интеллектуалом и наоборот.

Но в чем ценность этого разведения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо указать специфичность философской деятельности. Если проект всегда предполагает какой-

то горизонт планирования, пространства, границ, в первую очередь аксиологических, всегда несет в себе незыблемое, в отталкивании от чего является расчетом, всегда предполагает нечто большее, что сообщает о себе, то философия по своей сути беспроектна. Рамки проекта отвергаются философом как навязанные, чуждые. Философия - движение в неизвестное, совершаемое по зову. По выражению Галковского, «Философ - это тот, кто дает имена вещам» [5]. В силу своей крайней специфичности, философия требует определенного расположения/необходима при определенном расположении. Мы рассматриваем философию как специфически шизоидную деятельность. При этом мы не утверждаем, что всякий шизоид тождественен философу и ни в коем случае не разделяем тезиса: «философия - болезнь». Философия - один из возможных путей субъективации человека с выраженной шизоидной акцентуацией, достижения им цельности. При данной акцентуации в виду ее пограничного характера, близости к психотическим структурам [6], на первый план выходит проблема дистанции - обретения своего, страха «всепоглощающей близости» [4]. Иначе говоря, шизоидность предполагает склонность к наиболее примитивным защитным механизмам, в числе которых диссоциация. Необходимо найти что-то постоянное, свое, от чего можно было бы выстраиваться. Мы выделяем два направления. «Патологическое»: поиск сверхценного конечного объекта, с которым связывалась бы полнота и покой - поиск, заведомо обреченный на провал уже в виду противоречивого характера объекта-а, объекта-причины Желания [4]. «Непатологическое»: поиск процесса, деятельности, пучка деятельностей, которые давали бы переживание подлинности, давали бы возможность непустой речи. Для движения по этому непростому пути необходимы ресурсы.

Мы считаем, что отличие себя, претендующего на философию, от фигуры интеллектуала, является ресурсным в контексте нарциссического механизма по формированию собственной идентичности. Иначе говоря, различие философа и интеллектуала (шире, писателя и пишущего) - одна из многих форм нарциссического противопоставления, его функция - быть ресурсом для продолжения философской деятельности. То, что позволяет поддерживать и укреплять фантазм Я. Ресурс, чтобы быть философом, но не ресурс философа - в моменты захваченности философской деятельностью, переживания подлинности, не до ограничений.

Источники и литература

- 1) Барт Р. Писатели и пишущие. // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. С. 133-142.
- 2) Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Издательство "Гнозис" 1994. С. 75 – 321.
- 3) Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Перевод В. Руднева // Логос. — 1999. — № 1. — С. 151—185
- 4) Мазин В. Онейрокритика Лакана. - СПб.: Алетейя, 2013. – 148 с.
- 5) Галковский, цитаты.: https://vk.com/wall-9143630_56044
- 6) Кляйн М. Заметки о некоторых шизоидных механизмах.: https://www.psychol-ok.ru/lib/klein/rvp/rvp_09.html